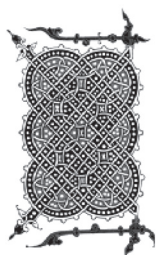

© 2021 Н. А. Шушвал
Москва, Россия

ТРАДИЦИИ СТРАННИЧЕСТВА И ХРАМОПОПЕЧЕНИЕ: НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. В статье на архивных и этнографических материалах Вологодской губ. рассказывается о месте и роли странничества в деле храмопопечения. Само храмопопечение в крестьянском сообществе представляло собой заботу об устройстве храма – его внешнем и внутреннем благолепии, а также отношение к нему, бытующее в крестьянской среде во второй половине XIX – начале XX в., и все виды и формы коммуникаций, вызванные этим отношением. Сбор добродетельных подаяний для нужд храма являлся частью индивидуальных форм храмопопечения и органичной частью странничества. В статье прослеживается, как происходила организация сборов на храм внутри приходского сообщества, какую роль в ней исполняли священнослужители, какими качествами обладали сами сборщики и что являлось мотивами для участия в данной практике храмопопечения. Сборщики на храм иногда собирали средства без разрешения епархиального начальства, выпадали из церковной нормативности, но при этом полностью соответствовали пониманию крестьянами истинного благочестия. Несмотря на стремление церкви регулировать данный вид попечения, оно было ярким проявлением крестьянской религиозности. В статье можно увидеть, что странничество в крестьянской среде было бы невозможно без таких явлений крестьянской жизни, как странноприимство, идеи милосердия и представления о храме как о сакральном центре крестьянской общины.

Ключевые слова: этнография Русского Севера, крестьянство, православные традиции, храмопопечение, храмостроительство, странничество.

Шушвал Наталья Александровна (Shushval Natalia Alexandrovna) – кандидат исторических наук, член редколлегии журнала «Традиции и современность», shushval.na@gmail.com

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 27. С. 60–67

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК –281.93; 256; ББК – 86.372; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-27/60-67>

Марина Михайловна Громыко и многие исследователи истории и этнографии Русского Севера не раз отмечали, что, исследуя традиционные формы общественного служения в северной деревне среди таких групп, как мирские выборные должности, исполнители разовых поручений, подрядчики, можно выделить еще и неформальные, ситуативные, маргинальные формы: грамотеи и книжники, старожилы, сказители и песенники, паломники и странники. Они не обладали специальным публично-правовым статусом, но проявляли себя в интеллектуальной и художественной деятельности, в праздничной и ритуальной культуре северной деревни (Громыко 2000; Камкин 1990).

Забота о храме проявляла себя как в коллективных формах храмопопечения (например, приходских сборах на храм), так и в индивидуальных формах. Одним из видов индивидуального храмопопечения была практика сбора крестьянами «доброхотных подаваний» на строительство или ремонт храма, которая одновременно являлась органичной частью странничества (Бернштам 2005; Тарабукина 2005; Третьякова 2007а, Третьякова 2007б; Шангина 2003; Щепанская 1992, 1995).

В Российской империи странничество имело различный характер: оно могло быть вызвано жизненными трудностями, которые подталкивали странников к данному образу жизни, могло иметь и сакрализованный смысл, не связанный с решением каких-то кризисных ситуаций. Но в том и другом случае странничество практически всегда выпадало из церковно-государственной нормативности (Смирнов 2006: 241). Исследователи напрямую связывают странничество и храмопопечение. Т. А. Бернштам выделяет в особый «странствующий» разряд крестьян, выполнявших задание приходского коллектива по сбору средств на строительство храма или колокол (Бернштам 2005: 312). С. В. Третьякова относит сбор доброхотных подаваний к «временному странничеству», которое имело целью заботу о своем приходском храме (Третьякова 2007б: 225).

О своеобразном понимании странничества самими крестьянами свидетельствует прошение жителя Вологодского у., направленное им на имя архиепископа Александра в 1913 г.: «Представляя при сем удостоверение, выданное мне причтом Михайло-Архангельской Верховологодской церкви, имею честь покорнейше просить Вашего Преосвященства не отказать мне в моей просимости и выдать или исходатайствовать через кого следует медаль; при чем не лишним считаю присовокупить, что я человек не земледелец, а постоянно, т.е. круглый год, странствую по разным городам и монастырям для поклонения святым мощам, что может подтвер-

дить упомянутый выше причт... К сему прошению Василий Жуков, а по неграмотности его и личной просьбе расписался Иван Воробьев» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19458. 1913 год. Л. 197 – 197 об.). К прошению прилагается удостоверение священника и духовного отца странствующего крестьянина Павла Кирикова, в котором подчеркиваются такие качества странника, как простота и безгрешность, звучит призыв ко всем христолюбцам «облегчить его странствия». Кроме того указывается, что на месте жительства этот крестьянин «говел и Св. Таин приобщен». Решение Духовной консистории по данному вопросу было следующим: «За неимением оснований в исходатайствовании крестьянину Жукову медали просьбу его о сем отклонить, о чем и уведомить его через местное волостное правление». (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19458. Л. 200). Возможно, такая реакция епархиального начальства была связана с проводившейся на государственном уровне борьбой с профессиональным нищенством и, как следствием, нежеланием стимулировать подобные формы храмопопечения.

Вместе с тем, данный пример показывает, что странничество в народной среде воспринималось как духовный подвиг истинно верующего человека, заслуживающий такого же внимания от епархиального начальства, которое полагалось выдающимся приходским попечителям – церковным старостам и председателям церковно-приходских попечительств за их храмостроительную деятельность. Сам «странник» подчеркивает, что он не земледелец, что является проявлением традиционного сознания, в котором человек, который занимается душеполезными делами, не должен быть связан с миром материальным, земным. Неслучайно во второй половине XIX в. в среде тотемских крестьян сборщика средств на строительство и нужды церкви называли диалектным словом «боговик» (Потанин 1899: 230), подчеркивая тем самым, что его деятельность направлена не на мирские нужды, а угодна Богу, совершается по Его воле.

Традиции странничества получали большое распространение, так как милосердие и благотворительность были неотъемлемой частью крестьянской повседневности, сочетаясь с представлениями о действительном благочестии. Нередко под благотворительностью крестьяне понимали подачу милостыни странникам. Корреспондент Тенишевского бюро из Бережнослободской вол. Тотемского у. сообщал, что благотворительность крестьян заключается в том, что, хотя через деревню проходит ежегодно масса странников и странниц, нет ни одного дома, где бы не подали милостыни этим лицам. А в некоторых домах всегда им предоставляют ночлег и ужин (Русские крестьяне 2008: 37).

Изучить эту сторону храмопопечения и ее проявления в крестьянском сообществе, понять мотивацию сборщиков на храм помогают документы Вологодской духовной консистории второй половины XIX – начала XX в.: делопроизводственная документация о строительстве церквей и часовен (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18378, 16285), о незаконном сборе денег в пользу церквей и монастырей Вологодской епархии (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14052, 14970, 15514, 17818, 16297, 13948, 15374), сборные книги для записи добровольных пожертвований (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14041). Документы о строительстве церквей и часовен нередко содержат прошения священнослужителей, церковных старост, а иногда самих крестьян о выдаче разрешений на сборы добродетельных подаяний. В них указывалась причина, по которой просители вынуждены прибегать к подобной мере изыскания средств (как правило, называлась бедность прихода и самих прихожан), обосновывался выбор того или иного крестьянина в качестве сборщика. Прощения о строительстве также содержат копии доверительных писем от прихода или церковно-приходских попечительств.

Дела о незаконном сборе денег включают в себя заявления мировых судей в Вологодскую духовную консисторию о незаконных действиях священников и церковных старост тех церквей, в пользу которых собирались подаяния; сборные письма, подписанные церковными старостами и приходскими людьми; объяснения причта церквей, направленные епархиальному начальству, содержащие причины незаконного сбора средств; приговоры мировых судей; решения консистории. Документы являются весьма информативными с точки зрения изучения бытования традиции индивидуального храмопопечения. Они дают возможность выявить личностные черты сборщиков, их социальный статус, мотивы, которые подвигли их на соби́рание подаяний, роль причта и церковного старосты в принятии решения о сборе средств, позволяют понять взаимосвязь личного и организованного храмопопечения.

Наличие сборной книги от Консистории было обязательным условием для законного сбора жертв от «добродетельных дателей». Книга выдавалась сроком не более чем на один год для сбора подаяний на определенной территории, например, только в пределах епархии, сборщик не имел права передавать книгу другим лицам, а по прошествии срока должен был представить ее для «счета и свидетельства» собранных денег в Консисторию. Она заверялась подписями членов причта и церковного старосты. Сборные книги являются не только источниками, но и артефактами – своеобразными свидетелями производившихся сборов. Они содержат информацию о наименовании тех мест, которые прохо-

дил сборщик, количестве собранных денег, редкие сведения о самих «дателях», так как информация о пожертвованиях часто не заносилась в книгу по их желанию.

Г. Н. Мелехова отмечает, что строительство храма осуществлялось крестьянами в основном на мирской счет, лишь с небольшой помощью церковных и земских учреждений, благотворителей и «сборных сумм», полученных от своих же и сторонних жертвователей (Мелехова 1996: 123). Забота о дальнейшем благоустройстве приходского храма также входила в обязанность прихожан. Во второй половине XIX – начале XX в. существовали различные способы получения средств для приходского строительства, например, раскладка (самими крестьянами или по инициативе священника назначался сбор средств с каждой ревизской души) или пожертвования крестьян. Но когда средств не хватало, крестьянское сообщество прибегало к иному способу сбора подаяний. Для этого из среды крестьян выбирался сборщик, которому давалось доверительное письмо, заверенное причтом церкви, и консисторская книга для записи пожертвований. На сбор подаяний за пределами епархии требовалось специальное разрешение. Например, к такой мере получения средств были вынуждены прибегнуть причт и крестьяне Озерского Христорождественского прихода Тотемского у., которым не хватило средств на постройку нового здания храма (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18378), и консистория разрешила проведение сбора. При строительстве новой церкви в деревне Медведице Никольского у. в 1894 г. доверенный от крестьян также просил о разрешении производить сбор пожертвований, на что было получено согласие Духовной консистории: «В виду свидетельства благочинного, что крестьяне-прихожане не могут без посторонней помощи выстроить у себя разрешенной им церкви, на основании 55 ст. Устава духовных консисторий, снабдить их сборной книгой» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16285. Л. 72 об.). Один из корреспондентов Тенишевского бюро сообщал, что в Спасской вол. Вологодского у. в приходе Успенской Песошенской церкви «была жертвовальница трудами своими, т.е. она собирала на храм и чуть не одна украсила весь храм, приобретая в него не менее как на тысячи три рублей» (Русские крестьяне 2007: 564). В приходской летописи Спасо-Преображенской Сеньговской церкви Грязовецкого у. в записях за 1860 г. упоминается об усердном прихожанине, который на собранные им по соседним приходам добродетельные подаяния сделал на все иконы в иконостасе «медные посеребренные» ризы и стеклянные рамки для защиты образов от пыли (ГАВО. Ф. 1063. Оп. 93. Д. 29. Л. 5 об.).

Согласно сборным или доверительным письмам, крестьяне выбирали из своей среды человека «честного, скромного, к церкви Божией рачительного», «доверия заслуживающего», «трезвого и в подаяниях для пользы церкви вполне благонадежного» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15514. Л. 25–33). Протоиерей Алексей Попов в своих воспоминаниях пишет об особо потрудившихся крестьянах для строительства церковной ограды вокруг приходской церкви. Среди них был и крестьянин деревни Ровдина Яков Григорьев Пестовников. За каждые сутки своих продолжительных странствий с сборной книгой по Вологодской губ. он приносил по 1,5 рубля денежных пожертвований от добрых людей в течение многих лет. Человек это был семейный, но бездетный и зажиточный, лет около шестидесяти, росту среднего, несколько лысый, белокурый, с громадной, начавшей сесть бородой. Говорил он спокойно и толково, почтительно, но не раболепно. «Не мудрено, – пишет Попов, – что с этим человеком, несравненным по виду и усердию, ни один из других сборщиков не мог конкурировать, по количеству сбора» (Попов 1913: 185).

Интересный пример выбора кандидатов для сбора средств дает один из документов о строительстве новой церкви в Пачеозерском приходе Сольвычегодского у. Так как церковной суммы на строительство не хватало, священно-церковнослужители предложили себя в качестве сборщиков – «священник – по городам, причетники – по уездам Вологодской епархии» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12053. Л. 27). На что от епархиального начальства пришел ответ, что священно-церковнослужителям не следует отлучаться от церкви и неприлично странствовать для сбора.

Интересным представляется вопрос о выявлении мотивов, которые двигали сборщиками. Как свидетельствует делопроизводственная документация, одним из них было желание проявить свою заботу о храме и показать свое расположение к нему. Член попечительства Спасо-Преображенской Сеньговской церкви перешел собирать на Авнегу (где и был задержан), потому что «как член попечительства, на первых порах своей службы хотел показать свое расположение к церкви Божьей, приобрести для нее больше денег и тем ускорить поправку на ней крыши» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14970. Л. 15). Одной из сборщиц для Богородской Корневской церкви Кадниковского у. была престарелая вдова, проживающая в церковной келье и пожелавшая собирать доброхотные подаяния для строительства нового храма, который для нее, возможно, являлся и домом.

Вторая группа мотивов связана с обетной практикой крестьян. И. А. Кремлева отмечает, что «обеты были и остаются важной частью религиозной

жизни русского народа. В них отражаются и покаяние в своей греховности, и надежда заслужить прощение особыми усилиями, и представление о важности жертвования, и идея духовной пользы самоограничения» (Кремлева 2005: 89).

Церковный староста Воскресенской Шомской церкви Вологодского у., обращаясь с воззванием к потенциальным дателям, писал: «Я, нижеподписавшийся, церковный староста... имею всепокорнейше честь просить... доброхотных жертвователей не стеснять в собирании добровольных подаяний в пользу нашего приходского храма Воскресения Христова на внутренний его ремонт (исправление печей, трубы, окраску откосов на стенах, поправку рам и пр.) предьявительниц сего (воззвания) крестьянок – прихожанок нашей церкви деревни Горки: Пелагею Конанову и Марфу Титову, как женщин честных и благонадежных, в сем богоугодном деле, давших обещание Господу Богу принести свои посильные труды. Дано сие дозволение от вышеозначенного числа впредь до 30 июня, сего месяца текущего года» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17818. Л. 2). Священник Верхне-Кемской Николаевской церкви Никольского у. в своем объяснении Вологодской духовной консистории о причинах незаконного сбора пожертвований, производящегося в течение 10 лет, указывает в первую очередь следующее: «Крестьянин Подболотной волости, починка Еремина, Самсон Яковлев Луженский, действительно производил сбор по соседним приходам Никольского у. Первее всего, он... стал проситься в сбор высказывая причину своей глазной болезни и говоря, что он дал обещание собирать на новостроящийся храм, в течение нескольких годов безвозмездно. Я, выслушав его просимость, сказал: “Хорошо, потрудись. Господь, да поможет тебе в твоих трудах”» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17818. Л. 14).

Церковное начальство, со своей стороны, пыталось сделать статус сборщика на храм как можно более подконтрольным. Законодательство Российской империи регулировало хождение за подаяниями на храм, а его осуществление со священными предметами (иконами, свечами, книгами) без должного разрешения причисляло к суеверным действиям (СЗРИ 1857: 10). Тем самым государство пыталось бороться с профессиональным нищенством, которое было достаточно распространённым явлением. Описывая повседневную жизнь крестьян Вологодской губ. в конце XIX в., Н. А. Иваницкий отмечает его широкое распространение. Бытовали действительные и профессиональные формы нищенства. Первая происходила от бедствий и неурожаев, которые вынуждали крестьянина питаться сбором подаяний, а вторая форма, как пишет Иваницкий (Иваницкий 1890:

59–60), происходила от лени, страсти к бродяжничеству и могла превращаться в определенный вид промысла. Этнографические материалы тенишевского бюро показывают, что в крестьянском обществе отношение к нищим и странникам было различным. Так, например, в Калининской вол. Тотемского у. нищенство считалось пороком, а если и существовало, то только «в отход», т. е. по чужим волостям (Русские крестьяне 2007: 220).

Практика сбора пожертвований регулировалась указами Священного Синода 1856 и 1881 гг. Согласно им, сборщики должны быть исключительно из местных прихожан, а сборные консисторские книги должны выдаваться только на истинные и существенные нужды церкви. Так, например, если церковь строилась в достаточно большом и богатом приходе или прихожане желали сделать свой храм более благолепным и великолепным, заменить колокол на больший или перестроить колокольню, то тогда им предоставлялось исполнять это собственными силами или с помощью благотворителей, не прибегая к сбору «доброхотных подаяний».

Для сбора обязательным было наличие доверительного письма и консисторской книги. Доверительное письмо являлось своеобразным удостоверением личности сборщика и сообщало о целях сбора, нуждах церкви и прихода. Призывы к жертвователям могли иметь следующее содержание: «Примите, благодетели и любители благолепия церковного, усердное наше прошение, не оставьте нашей бедной из бедных церкви своей малой лептой, за которую мы обязаны будем молить Бога... за здоровье и спасение» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15374. Л. 2).

Наличие сборной книги, как уже указывалось, давало возможность контролировать сам процесс сбора. В каждом приходе, который посещал сборщик, священник «высыпал» из кружки пожертвованные деньги, пересчитывал их, записывал сумму в книгу, отдавал деньги сборщику «для хранения и передачи в свою церковь» и снова запечатывал сборщичью кружку. Когда сборщик возвращался в свой приход, собранные деньги при собрании причта и прихожан отдавались церковному старосте, который записывал их в приходо-расходную книгу. В том случае, если книга давалась на продолжительное время (но не более одного года), сборщик мог время от времени возвращаться в свой приход с полученными от доброхотных дателей средствами, а затем снова отправляться за подаяниями.

Во избежание наказаний со стороны епархиального начальства, приходской причт пытался, со своей стороны, сделать сбор средств на храм более организованным. Так, священник Сеньговской Спасо-Преображенской церкви Грязовецкого у. советовал сборщику из членов церковно-приходско-

го попечительства не ходить по домам прихожан. Как он пишет в своем объяснении в Вологодскую духовную консисторию, «прихожане, узнав о прибытии сборщика в деревню, обыкновенно снашивали свои материальные пожертвования в один из домов и оставляли их у хозяина» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14970. Л. 14).

Собирающие средства без разрешения епархиального начальства выпадали из церковной нормативности, но при этом продолжали в глазах крестьян соответствовать представлениям об истинном благочестии. Приходские священники и старосты, боясь наказания епархиальных властей, в своих объяснениях пишут, что «ответственность (за незаконный сбор средств) ... всецело должна лежать на прихожанах, которые... есть главные виновники незаконных действий». Выражая протест против решения крестьян, священники заслуживали «подозрительности и недружелюбия» и, «во избежание могущих произойти от того неприятностей», прилагали церковные печати к сборным письмам, составленным прихожанами (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15514. Л. 24 об.).

Установленные правила сбора могли нарушаться крестьянами по причине перехода за границы своего прихода. Так, например, крестьянская вдова собирает подаяния и в своем Богородском приходе, и в соседнем – Николаевском, «который всегда неизменно усердствовал» к первому, более бедному. Остановлена же она была за 15 верст от своей приходской церкви в Петро-Павловском приходе (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15514. Л. 32).

Дела о незаконном сборе пожертвований дают примеры того, как выглядели сборщики. Приведем несколько примеров. У послушника Корнилиево-Комельского монастыря одним из волостных сельских писарей была отобрана «сборщичья икона» преп. Корнилия. Другой крестьянин Грязовецкого у. явился в Ново-Никольское волостное правление «с куском материи на груди в виде воздуха, медною на нем иконою и блюдом в руках» и был задержан. Сборщики из Нижегородской губ. имели с собой не только колокол, но и икону Божией Матери, так как осуществляли сбор на сгоревшую церковь Казанской Божией Матери и Николая Чудотворца. Ношение таких предметов инициировалось самими крестьянами. Так, священник Спасо-Преображенской Сеньговской церкви в своих объяснениях епархиальному начальству в свое оправдание указывает, что икона «не была давана сборщику, да и не было ему в том нужды» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14970. Л. 2–9).

Возможно, священные предметы маркировали статус сборщика как совершающего богоугодное дело и помогали вызывать доверие среди крестьян.

Предполагаю, что сборщики, оторванные от того социального окружения, которое могло бы их идентифицировать, использовали знакомые всем символы святости для того, чтобы быть принятыми в той социокультурной системе, для которой они по своему статусу и месту жительства были чуждыми. Не случайно, кстати, символы «божественного» были неотъемлемым элементом бродячей жизни профессиональных нищих. Поэтому сборщики могли использовать также особые маркеры для определения своего статуса, не связанного с нищенством. Так, например, в Калининской вол. Тотемского у. особенностью странников было то, что они просили у церквей, чего не делали никогда обычные нищие (Русские крестьяне 2008: 220).

Выявленные нами документы показывают широкую распространенность традиции сбора добродухотных подаваний на строительство или обустройство церквей в Вологодской губ. во второй половине XIX – начале XX в. Члены церковно-приходского попечительства при Дмитриевской Николаевской церкви Вельского у. выдали доверенности на сборы пожертвований 27 крестьянам, 10 из которых не были в сборе, а 17 собрали 162 рубля. При этом само попечительство объяснило Консistorии, что им было неизвестно о незаконности таких действий,

так как «зачастую встречаются при подобных довериях лица из монастырей и приходских церквей» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15374. Л. 7). В крестьянском сознании была глубоко укоренена традиция странничества, связанная с пониманием сущности святости и идеями милосердия и благотворительности. Это способствовало, на наш взгляд, бытованию такого вида храмопопечения, как сбор крестьянами «добродухотных подаваний». Такого явления русской духовной жизни, как странничество, не могло бы существовать, если бы не было странноприимства. М. М. Громыко, посвятившая свое исследование данному феномену, отмечает, что «гостеприимство по отношению к любым путникам повсеместно было распространено в России. Но особенно это касалось тех людей, которые шли с богоугодной целью» (Громыко 2000: 14). Несмотря на стремление церкви регулировать данный вид попечения, во второй половине XIX – начале XX в. оно было ярким проявлением крестьянской религиозности. Традиция сбора добродухотных подаваний на строительство или нужды храма объединила в себе две константы русской культуры – почитание своего приходского храма как сакрального центра родной земли и странничество как «вечный образ русской жизни» (Степанов 2001: 183).

Источники и материалы

СЗРИ 1857 – Свод законов Российской империи. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Том XIV. Отд. 3. СПб., 1857.

ГАВО – Государственный архив Вологодской области.

Иваницкий 1890 – Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения крестьянского населения России. Вып. II / под ред. Н. Харузина. М., 1890.

Попов 1913 – Попов Алексей. Воспоминания причетнического сына: Из жизни духовенства Вологодской епархии. Вологда, 1913.

Потанин 1899 – Потанин Г. Н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотмы // Живая старина. 1899. Вып. 2.

Русские крестьяне 2007 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007.

Русские крестьяне 2008 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2008.

Научная литература

Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005.

Громыко М. М. Странноприимство в русской крестьянской традиции // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000.

Камкин А. В. Общественная жизнь северной деревни XVIII века: (Пути и формы крестьянского общественного служения): Учебное пособие. Вологда, 1990.

Кремлева И. А. Роль обетов в религиозной жизни русских // Православие и традиционная народная культура. Сборник докладов. XIII Международные Рождественские чтения. М., 2005.

Мелехова Г. Н. Как строили храмы в XIX веке? (по материалам Каргополья) // Православие и русская народная культура. Кн. 6. М., 1996.

Смирнов И. П. Homo in via // Смирнов И. П. Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности. СПб., 2006.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е. М., 2001.

Тарабукина А. Странники и паломники // Знание – сила. 2005. №10.

Третьякова С. В. Основатели монастырей в исторической памяти и религиозном укладе Белозерья (вторая половина XIX – первая четверть XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Вологодский государственный педагогический университет. 2007а.

Третьякова С. В. Странноприимство в Белозерском крае в XIX – начале XX века (гносеологический аспект) // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007б.

Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники: Энциклопедия. СПб., 2003.

Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.

Щепанская Т. Б. Культура дороги на Русском Севере: Странник // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992.

References

Bernshtam, T. A. 2005. *Prihodskaya zhizn' russkoy derevni: Ocherki po cherkovny etnografii* [Parish Life of the Russian Village: Essays on Church Ethnography]. St. Petersburg.

Gromyko, M. M. 2000. Strannopriimstvo v russkoy krest'yanskoy traditsii [Hospitality in the Russian peasant tradition]. In *Problemy istorii, russkoy knizhnosti, kul'tury i obshchestvennogo soznaniya* [Problems of history, Russian literacy, culture, and social consciousness]. Novosibirsk.

Kamkin, A. V. 1990. *Obshchestvennaya zhizn' severnoy derevni XVIII veka* [Social life of the northern village of the 18th century]. Vologda.

Kremleva, I. A. 2005. Rol' obetov v religioznoy zhizni russkikh [The role of vows in the religious life of Russians]. In *Pravoslaviye i traditsionnaya russkaya kul'tura* [Orthodoxy and traditional folk culture]. Moscow.

Melekhova, G. N. 1996. Kak stroili hramy v XIX veke? (po materialam Kargopol'ya) [How were temples built in the 19th century? (based on materials from Kargopol)]. In *Pravoslavie i russkaya narodnaya kul'tura* [Orthodoxy and Russian folk culture]. Book. 6. Moscow.

Shangina, I. I. 2003. *Russkij narod. Budni i prazdniki: Enciklopediya* [Russian people. Weekdays and Holidays: Encyclopedia]. St. Petersburg.

Shchepanskaya, T. B. 1992. Kul'tura dorogi na Russkom Severe: Strannik [The culture of the road in the Russian North: Wanderer]. In *Russkij Sever: Arealy i kul'turnye tradicii* [Russian North: Areas and cultural traditions]. St. Petersburg.

Shchepanskaya, T. B. 1995. Krizisnaya set' (tradicii duhovnogo osvoeniya prostranstva) [Crisis chain (traditions of spiritual development of space)]. In *Russkij Sever: K probleme lokal'nyh grupp* [Russian North: On the problem of local groups]. St. Petersburg.

Smirnov, I. P. 2006. Homo in via * [Homo in via]. In *Smirnov I. P. Genezis. Filosofskie ocherki po sociokul'turnoj nachinatel'nosti* [Genesis. Philosophical essays on socio-cultural beginnings]. St. Petersburg.

Stepanov, Yu. S. 2001. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow.

Tarabukina, A. 2005. Stranniki i palomniki [Wanderers and pilgrims]. *Znanie – sila* 10.

Tret'yakova, S. V. 2007. *Osnovateli monastyrej v istoricheskoy pamyati i religioznom uklade Beloz'er'ya (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX vv.)* [Founders of monasteries in the historical memory and religious order of Belozerie (second half of the 19th - first quarter of the 20th centuries)]. Vologda.

Tret'yakova, S. V. 2007. Strannopriimstvo v Belozerskom krae v XIX – nachale XX veka (gnoseologicheskij aspekt) [Hospitality in the Belozersk Territory in the XIX - early XX century (epistemological aspect)]. In *Russkaya kul'tura novogo stoletiya: Problemy izucheniya, sohraneniya i ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya* [Russian culture of the new century: Problems of the study, preservation and use of historical and cultural heritage]. Vologda.

THE WANDERING AND THE CHURCH CARE: ON THE VOLOGDA PROVINCE'S MATERIALS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – AERLI 20TH CENTURIE

Abstract. The article on the archival and ethnographic materials of the Vologda province tells about the place and the role of wandering in the matter of church care. The care of the church itself in the peasant community was a concern for the structure of the church – its external and internal splendor, as well as the attitude towards it that existed in the peasant environment in the second half of the 19th – early 20th centuries and all types and forms of

communication caused by this attitude. Collecting voluntary alms for the needs of the temple was part of individual forms of church care and an organic part of wandering. The article notes how the church fund-raising had organized within the parish community, what role the clergy played in it, what qualities the collectors themselves possessed, and what were the motives for participating in this practice of temple care. Canvassers sometimes raised funds for the church without the permission of the diocesan authorities, which fell out of church standards, but at the same time fully corresponded to the peasants' understanding of true piety. Despite the desire of the church to regulate this type of care, it was a vivid manifestation of peasant religiosity. It can be seen in the article that wandering among the peasant environment would have been impossible without such a phenomenon of peasant life as hospitality, the idea of mercy, and the idea of the temple as the sacred center of the peasant community.

Keywords: an ethnography of the Russian North, peasantry, Orthodox traditions, church care, temple building, wandering.

